

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА СМЕРТИ И «ПОСТСМЕРНОГО» СУЩЕСТВОВАНИЯ

*Сенченко А.Я., к.филос.н., доцент
УНППИ Украинская инженерно-педагогическая академия*

Проблема смерти как онтологической проблемы существует «вечно» в философских системах. Феномен смерти нечто большее, чем простое прекращение биологического существования и естественное завершение всякой жизни в ее земных формах. «Опыт» смерти не менее универсален и многообразен, чем и опыт жизни: одни призывают смерть, видя в ней единственный способ избавления от физических и нравственных мучений, другие – плачут и горюют перед ее приближением, третьи – трезво оценивают смерть как неизбежность и прощаются с жизнью спокойно, четвертые относятся к смерти как к некоторому рубежу, за которым, собственно, и начинается подлинная жизнь.

Попытки заглянуть «по ту сторону смерти», и притом смерти индивидуальной, существуют с тех пор, с каких существует абстрактное мышление человека. Культ мертвых – не досужая выдумка праздного ума, а жизненно важная интеллектуально-психологическая потребность человеческого рода, имеющаяся у всех, без исключения, народов.

Можно утверждать, что осознавая смертность, человек конструирует идею смертности в структуру своего мировоззрения, и в этом смысле опыт смерти пробуждает такие пласты психики, которые не позволяют классифицировать ее как только «явление природы», как только «медицинский факт», как только переход в «небытие», в «иную форму существования».

Диалектику человеческой жизни составляет «ее конечность и вместе с тем бесконечность» (С.Л. Рубинштейн). Субъект не есть нечто законченное в себе, напротив, он выступает как «нечто неравное самому себе, как постоянный «выход» за свои пределы» (В.А. Лекторский). В философской науке проблема смысла индивидуальной смертности трансформируется в проблемы «постсмертного» существования человеческого рода, т.е. в размышления о возможных направлениях его эволюции. Достаточно указать здесь на К.Э. Циолковского, выдвинувшего гипотезу о возможном существовании человека в форм «лучистой энергии», Пьера Тейяра де Шардена с его идеей о слиянии всех индивидуальных интеллектов в некий синтетический мировой интеллект (точка Омега «или Бог»), В.И. Вернадского с его теорией очеловечивания космического пространства и создания планетарного разума («ноосфера»), Н.Ф. Фёдорова с его фантастическими проектами воскрешения умерших с помощью научно-технических приемов («рассеянное собрать, разложенное соединить») и, наконец, Э.В. Ильенкова с его гипотезой о «грандиозном круговороте, в котором мировая материя не утрачивает ни одного из имеющихся атрибутов и не приобретает ни одного нового».

Но как бы ни различались между собой логические конструкции выше перечисленных мыслителей, в их основе, собственно, лежит одна и та же идея: преодоление смертности как таковой, как земного феномена. Сегодня уровень развития науки позволяет оценить эту идею как утопическую и фантастическую, как «игру воображения» и даже как «плод больной фантазии». А завтра?

Космический закон вечности и бесконечности материи и движения не исключает возможностей превращения земных форм жизни в какие-то иные, нам пока не известные и для нас непостижимые комбинации живых элементарных частиц. Было бы странно отрицать вечность индивидуального бытия на основе признания его конечности во времени. Любой живой организм каждую секунду одновременно живет и умирает: изношенные клетки умирают, но своей смертью воспроизводят новые клетки, каждый миг человеческое тело теряет какую-то часть самого себя, одновременно и возрождая её – в итоге «река жизни», трансформируя смертное тело в живое и живое в смертное, приобретает атрибут вечности.

Уместно, наверно, напомнить известную аксиому о том, что между живым и не живым не существует неопределимых границ. Для нас правомерно сделать вывод о великой взаимосвязи и о великом поединке жизни и смерти – как в масштабах онтогенеза, так и в масштабах филогенеза. И жизнь и смерть не могут быть лишены смысла, в том числе и на уровне философствования. Относительная противоположность между ними предполагает так же и их относительное единство и поэтому проблема смысла смерти может быть найдена лишь в соотношении с проблемой смысла жизни: скажи, как ты хочешь умереть, и я скажу, как ты жил.